РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ.

Не въ моготу стало жить совершенно. Иной разъ какъ подумаешь, такъ лучше сразу петлю на шею и конецъ. Силъ нѣтъ тянуть эту лямку безконечную. Работаешь, везешь, какъ волъ, а все впереди одно и тоже, все изъ за угла, какъ корпунъ, тебя высматриваетъ нищета голодная. Такъ и ждешь, что не сегодня — завтра заберется она въ твою убогую горницу, совьетъ гнѣздо себѣ въ ней, и не выживешь ее никакими силами. Эхъ! Да и петлей то вѣдь не сможешь воспользоваться. Куда-же ребятишекъ дѣть? И ихъ развѣ съ собой прихватить? Четверо ихъ, одинъ другого меньше. Больные, хилые... Показывала маленькаго доктору заводскому. Говоритъ: „кормить лучше, тетка, надо, а то совсѣмъ зачахнетъ“. „Квартира то сырая у васъ?“ — спрашиваетъ. Да какъ же сухой то ей быть? Въ нашемъ углу за послѣдній подвалъ приходится большія деньги платить; рабочаго народу много, ну хозяева и пользуются. Гдѣ ужъ тутъ сухую то сыщешь. Мужъ давно говоритъ: „перейдемъ въ казармы, что отъ фабрики для рабочихъ выстроены — тамъ, говоритъ, и тепло и сухо.“ Да лучше я въ своемъ подвалѣ отъ сырости позеленѣю, а не пойду въ эти проклятыя казармы. Тамъ люди словно арестанты живутъ. Понастроили хозяева клѣтокъ какихъ-то и засадили рабочихъ, какъ звѣрей. Перегородокъ даже путныхъ между комнатами нѣтъ. Здѣсь я хоть сама себѣ хозяйка, что хочу, то и дѣлаю — а тамъ всякъ въ твое дѣло суется, всякому твоя жизнь какъ на ладони видна; каждое твое слово десять человѣкъ сразу слышитъ. Съ мужемъ поговорить путемъ нельзя, а повздорить, такъ утромъ на дворъ не выходи, знай, что всѣ уже о вашей ссорѣ знаютъ, да судачатъ. Нѣтъ, Минька подростетъ немножко,

сама стану на фабрику ходить, все можетъ полегче будетъ. Говорю такъ, а вѣдь сама наперед знаю, что слова это одни. Сосѣдка вонъ, Анна Гавриловна, поступила на фабрику; ребятъ старухѣ какой то на попеченье отдаетъ, цѣлый день дома ея нѣтъ, какъ волъ работаетъ. Да много ли толку изъ этого? Платятъ ей чуть ли не втрое меньше, чѣмъ мужчинѣ, — говорятъ: у насъ отъ бабъ отбою нѣтъ, хочешь за такую цѣну, милости просимъ, а дороже не дожидайся. И выходитъ работа эта одно званье. Съ утра до вечера надъ станкомъ стоитъ; пожелтѣла вся, исхудала, какъ щепка. Домой только на минутку заглядываетъ. Прибѣжитъ, съ маху ребятишекъ посмотритъ, — живы ли, приласкаетъ ихъ, а то подъ сердитую руку и отшлепаетъ; приберетъ кой-что въ горницѣ, да и опять на фабрику, а у самой сердце разрывается. Ребята чумазые ходятъ, оборванные; старуха только деньги беретъ; да и гдѣ же ей старой за ними усмотрѣть? Выбѣгутъ на улицу, и никому то до нихъ дѣла нѣтъ. Гляди, подъ лошадь попадутъ — раздавятъ. И такъ вонъ недавно младшенькій руки кипяткомъ сварилъ, совсѣмъ испортилъ ручепку. Мать то пришла домой съ фабрики голодная, усталая, да какъ увидѣла ручку то у Колькп сваренную, такъ словно обезумѣла. „Не могу, кричитъ, больше жить я на свѣтѣ, лучше отравлю ребятишекъ своихъ несчастныхъ, сама на каторгу пойду. Все равно калѣками у меня они вырастутъ Нѣтъ больше моего терпѣнья!...“ Плакала, плакала, ажъ душа у меня разрывалась, слушая ее; а на утро опять чуть свѣтъ на фабрику побѣжала, съ ребятишками сонными простилась, какъ съ покойниками. „Нельзя, говоритъ, мнѣ, Митревна, фабрику оставить, — помремъ мы всѣ съ голоду. Не хватаетъ намъ мужнина жалованья.“— А на фабрикѣ та же мука цѣлый день. Передъ глазами все ребятишки стоятъ, все думается, какъ бы не случилось чего съ ними, а тутъ мастеръ похаживаетъ, чуть не плетью погоняетъ. — „Не спи, говоритъ, работаешь плохо, смотри, какъ разъ управляющему аттестацію дамъ, что лѣнива ты и къ работѣ не-

способна.“ А работа какая! хуже ее не придумаешь, въ грязи да пыли цѣлый день ворочаешься. Пыль вонючая въ ротъ и носъ забирается, потомъ что въ ротъ ни возьмешь, все этой пылью пахнетъ, — спасенья отъ нея нѣтъ. — „Ну да и это бы ничего, говорила мнѣ Анна Гавриловна, работа грязная, да хоть бы ужъ въ покоѣ оставляли“. А то вотъ еще, — ужъ потихоньку она мнѣ разсказывала, — мастеръ на нее что то больно поглядывать началъ, а глаза, словно у кота сытаго, играютъ. Все наровитъ съ ней гдѣ нибудь въ корридорѣ встрѣтиться, то щипнетъ, то толкнетъ... Противно ей до омерзенія, хочется такъ и плюнуть въ эту толстую рожу, или дать ему пощечину здоровую, да боится. — Сейчасъ отъ работы откажетъ. И мужу боится сказать. Тотъ живо бы мастеру бока намялъ, чтобы онъ вѣкъ помнилъ, какъ чужимъ женамъ куры строить — да и тогда вѣдь не лучше будетъ. Либо мастеръ все равно со злости отъ мѣста откажетъ, либо мужъ самъ запретитъ на фабрику ходить. — Такъ и молчитъ бѣдная, только ко мнѣ иной разъ заглянетъ, такъ поплачетъ втихомолку. — „Не могу, говоритъ, Митревна, терпѣть я этого; противно мнѣ, тошно, что на насъ, работницъ, мастера, какъ на самыхъ послѣднихъ потаскушекъ смотрятъ. Всякій думаетъ, что, если ужъ женщина или дѣвушка на фабрику пошла, такъ съ ней что угодно сдѣлать можно, — безсовѣстные!“ — Вѣда какъ тяжело женщинѣ на фабрикахъ работать, хуже еще, чѣмъ мужчинѣ. И работа то не по силамъ, да еще и издѣвается надъ ней всякій. Не даромъ въ пѣснѣ поется: „Доля ты русская, долюшка женская, врядъ ли труднѣе сыскать!“

Такъ вотъ иной разъ оглянешься кругомъ, да только руками всплеснешь. Господи! да гдѣ же это счастливые люди живутъ? Почему отъ насъ, рабочаго народа, счастье отвернулось? Словно въ яму какую то бездонную судьба насъ забросила. Карабкаются всѣ, цѣпляются, изъ ямы выбраться хотятъ... А стѣны гладкія, скользкія... Кто чуть поднимется, опять внизъ на дно летитъ стремглавъ.

Маешься цѣлую жизнь, бьешься и никакого облегченія себѣ не видишь. Ломаешь голову, думаючи, какъ бы изъ гроша копейку сдѣлать, судьбу свою на изнанку вывернуть. Не то на фабрику идти, гроши зарабатывать, не то дома оставаться, дыры да прорѣхи затыкать. И кругомъ тебя все то же видишь. Люди изъ за послѣдняго куска хлѣба бьются. Горе кругомъ, нищета безпросвѣтная...

И съ каждымъ днемъ все хуже и хуже становится. Въ прошломъ году мы не бѣдствовали такъ, и кругомъ будто люди получше немножко жили. Работа хоть у всѣхъ была, а теперь только и слышишь: „разсчитали“. Мужъ, Николаичъ, ужъ на что работникъ хорошій, на рѣдкость, — и то сталъ по субботамъ денегъ все меньше приносить. „Расцѣнки,—говоритъ,—сбавляютъ; работы нѣтъ, застой страшный Моли Бога, говоритъ, какъ бы совсѣмъ отставки не дали. Мастеръ больно придирчивъ сталъ, за малѣйшую ошибку разсчетъ даетъ. Нужно имъ производство сократить, товаръ не идетъ, покупателей нѣтъ, вотъ они и жмутъ каждаго. И не на нашемъ только одномъ заводѣ такъ, — кругомъ на фабрикахъ уменьшили. У воротъ, какъ домой идешь, каждый разъ народъ толпится, все работы ищутъ, готовы чуть не даромъ пойти, изъ-за куска хлѣба“. — Почему же это, спрашиваю, Николаичъ, происходитъ все? Куда же покупатель дѣвался? Неужто сразу обѣднѣли всѣ, какъ мы грѣшные, что товару покупать не хотятъ?“

„Видишь ли въ чемъ дѣло, Митревна,—Николаичъ мнѣ объснилъ: — затѣяло наше правительство войну съ Японіей. Понадобилось, видишь ты, ему Манджуріей завладѣть, страна такая есть, —а Японія тоже на нее мѣтила. И приходится теперь ему милліоны денегъ на войну эту самую тратить. Казну ужъ совсѣмъ раззорили, такъ правительство новые налоги разные на народъ накладываетъ, чтобы денегъ, значитъ, побольше добыть. Ну, народъ и бѣднѣетъ; не хватаетъ у него силъ и налоги платить и хозяйство свое поддерживать. Раззоряется онъ, — тутъ ужъ не до покупокъ. Все меньше и меньше товаровъ разныхъ начинаетъ покупать; оттого,

говоритъ, и нѣтъ у фабрикъ работы, разсчитываетъ начальство рабочихъ. Вотъ она, война то какая! А кому она, эта война, нужна? Кабы спросили народъ самый, желаетъ ли онъ Манджурію получить,—навѣрно никого бы не нашлось, кто „желаю“ сказалъ бы. Гдѣ она эта Манджурія, кто ее видѣлъ? Мало развѣ своей земли въ Россіи, конца-краю ей не видно; одной казенной сколько! Кабы вмѣсто Манджуріи казенной земли крестьянамъ нарѣзали, вотъ и сыты были бы. Да, видишь ли ты, порядки у насъ такіе, что народъ самый, съ котораго послѣднюю шкуру деруть, никогда ни о чемъ не спрашиваютъ. Повинуйся безъ разговоровъ всему, что начальство прикажетъ, да деньги на всякія затѣи подавай, а слова своего пикнуть не смѣй, не то какъ разъ въ мѣстахъ отдаленныхъ очутишься. За смѣлыя слова сколько у насъ народу въ Сибирь да въ тюрьмы ушло!“

Такъ это все объяснилъ мнѣ Николаичъ, и многое мнѣ понятно стало, а то раньше сама я думала, понять никакъ не могла, зачѣмъ это войну нашъ царь затѣялъ; думала, что видно я по глупости своей толку въ ней не вижу. А теперь, оказывается, много такого народу найдется, которому война одинъ вредъ приноситъ да горе. — До сихъ поръ забыть не могу, какъ мобилизація здѣсь въ нашемъ городѣ была. Душа разрывалась, глядя на все. Какъ пригнали народъ изъ деревень, поднялся стонъ кругомъ, словно хоронили заразъ десять покойниковъ. Запасные все женатые, дѣти, жены пришли изъ деревень провожать ихъ; плачутъ, причитаютъ... Да и какъ не плакать! Я какъ подумала: что если бы Николаича моего забрали, такъ сердце и остановилось; что бы я тогда съ ребятишками малыми дѣлать стала? Лучше ужъ одинъ конецъ — прямо вмѣстѣ съ дѣтьми подъ поѣздъ броситься, все равно съ голоду помирать. Бабы нѣкоторыя совсѣмъ какъ обезумѣлыя, не пускаютъ мужей, цѣпляются, воютъ, какъ надъ покойникомъ. А какъ въ поѣздъ сажать стали — Господи, что тутъ было! Старуха одна — до сихъ поръ передъ глазами стоитъ, какъ живая — сына

провожала. Посадили его въ вагонъ, а она все за нимъ рвется, ужъ жандармы ее двое держали. А потомъ поѣздъ пошелъ, она словно тутъ ума лишилась сразу. „Проклинаю, кричитъ, я всю эту войну несчастную! Накажетъ Господь тѣхъ, кто затѣялъ ее, кто сыновей у насъ отнялъ. Проклинаю я царя, который войну эту допустилъ!“ — Страшная стала, блѣдная... Волосы сѣдые, космами висятъ, сама худая, костлявая. Жандармы куда то повели ее, а она все кричитъ: „проклинаю!“ и пальцемъ грозитъ кому то...

А тамъ стали извѣстія доходить, что бьютъ вездѣ нашихъ, тысячами они погибаютъ ни за грошъ. Письма приходятъ отъ солдатъ, такъ наплачешься, читаючи И голодно то имъ, и холодно, и домой тянетъ, а японецъ лютый, ловкій, никакъ съ нимъ не сладишь... Николаичъ иной разъ газету принесетъ послѣ работы, читаетъ вечеромъ да только головой качаетъ. „Вотъ оно, говоритъ, начальство то наше, правительство значитъ, заботливое какое! Затѣяли войну, народъ на убой какъ барановъ погнали, а сами даже не позаботились, чтобы все необходимое заготовить. Солдаты мрутъ тысячами и отъ пуль японскихъ и отъ болѣзней всякихъ, холода и голода. Вотъ каково намъ живется на бѣломъ свѣтѣ!“

* * *

Николаичъ мой за послѣднее время совсѣмъ закручинился. Задумчивый такой ходитъ, хмурый; боюсь къ нему и подступиться, а у самой на сердцѣ кошки скребутъ. Посмотритъ онъ иной разъ на меня, словно хочетъ что сказать, да потомъ опять раздумаетъ. „Плохи, говоритъ, наши дѣла совсѣмъ, Митревна, скоро, пожалуй, отъ работы откажутъ, помирать придется съ голоду. Думали, говоритъ, стачку устроить, да какая теперь стачка! Хозяинъ только радъ будетъ, разсчитаетъ половину, ему же лучше. Да и въ томъ развѣ дѣло, что намъ дешево платятъ? Ты посмотри кругомъ, — задохнемся мы скоро. Жить такъ невозможно! Прибавятъ, положимъ, тебѣ грошъ мѣдный, ну а тамъ то все тоже. Вѣдь всѣмъ намъ, всему

народу русскому житья нѣтъ. Сегодня тебя на войну гонятъ, изъ-за чего — неизвѣстно; завтра тутъ дома пристрѣлятъ, какъ собаку. Слышала, что въ Златоустѣ было? Рабочіе разговаривать съ губернаторомъ пришли насчетъ своихъ порядковъ; думали, человѣкъ онъ, — поможетъ имъ... А онъ стрѣлять приказалъ въ безоружныхъ, полсотни на мѣстѣ положилъ. А по тюрьмамъ сколько нашего брата гніетъ, — не перечесть. На дѣтей своихъ смотришь, думаешь: неужто имъ ту же лямку каторжную тянуть до могилы?“ — Разгорячился Николаичъ, глаза какъ угли горятъ, самъ весь блѣдный. Какъ стукнетъ кулакомъ по столу. „Нѣтъ, не бывать этому! Довольно мы терпѣли, пора и за дѣло!“ — „Такъ что-же, спрашиваю, Николаичъ, вы дѣлать надумали?“ Онъ словно опомнился тутъ, спохватился. „Рано еще тебѣ знать, говоритъ, — послѣ скажу“, и замолчалъ.

* * *

Такъ и жили изо дня въ день. Утромъ встаешь— на сердцѣ словно камень лежитъ: „какъ день пройдетъ,“ — думаешь все время, несчастья какого то ждешь страшнаго... И пришло это несчастье, а можетъ, и счастье большое — не разберу я сейчасъ. — Ушелъ какъ то Николаичъ на работу, жду его обѣдать, нѣтъ, какъ нѣтъ. Что, думаю, случилось? Неужто забрали его опять, какъ въ прошломъ году, за стачку на заводѣ? — Сбѣгала къ сосѣдямъ, и у нихъ мужья не возвращались. Что то не ладно, думаю. — Мальчишечка тутъ какой то пробѣжалъ. „Митревна, говоритъ, не безпокойся, —Николаичъ велѣлъ тебѣ передать, что онъ живъ и здоровъ, а домой не пришелъ, потому что некогда было. Сходка у нихъ тамъ, тетенька, всѣ рабочіе собрались, листки читаютъ. Страсти какія въ Питерѣ были! Революція тамъ, говорятъ!“ Хотѣла я еще спросить, а мальчишки и слѣдъ простылъ, только пятки засверкали. „Что это, думаю, Господи! Еще новая напасть, что это за революція? Слышала я это слово, да не знаю, что оно значитъ. А сосѣди тоже ужъ кой что узнали. Въ Питерѣ, говорятъ, бунтъ былъ. Тысячи рабочихъ убиты, самъ царь войсками ко-

мандовалъ, велѣлъ разстрѣливать...“ Жду я Николаича, — на заводъ сбѣгать не могу, ребятъ не съ кѣмъ оставить,—а у самой ноги подкашиваются, думаю: убьютъ его сейчасъ. Насилу вечера дождалась.

Пришелъ Николаичъ, да такой, что я и не узнала его. Сразу точно похудѣлъ да выросъ, глаза ввалились и кулаки сжимаетъ. Вошелъ въ комнату, палку въ уголъ бросилъ... „Поздравляю, говоритъ, Митревна, съ началомъ русской революціи“! а самъ и плачетъ и смѣется. — Я на него глаза вытаращила, стою какъ дура, ничего понять не могу; ребятишки тоже притихли, на отца смотрятъ... „Что же это за революція такая, объясни, Николаичъ, не пойму я что-то.“

„Постой, дай съ мыслями собраться, все разскажу. — Вотъ онъ царь то нашъ какой, какъ народъ свой ласково принялъ!...“

Слушай-же, что въ Питерѣ, въ воскресенье 9-го января было. Петербургъ, чай слыхала-то, столица наша; царь тамъ живетъ, министры его дворцы занимаютъ. А кромѣ царя и министровъ, рабочаго люда тамъ сотни тысячъ ютится, фабрикъ и заводовъ разныхъ множество. И такъ же, какъ здѣсь у насъ, бѣдствуетъ тамъ народъ страшно. И безработица совсѣмъ измучила, да у кого и работа есть, тоже не лучше, плата грошевая, жизнь впроголодь, притѣсненія всякія со стороны начальства, полиціи... Однимъ словомъ все тоже, что ты кругомъ себя видишь. А рядомъ съ лачужками рабочихъ, дворцы богачей да князей разныхъ поднимаются. Тѣ живутъ себѣ припѣваючи. Давно уже среди рабочаго народа недовольство копилось, да все цѣликомъ наружу не выходило, а тутъ оно, наконецъ, все цѣликомъ вылилось. Началось съ того, что на одномъ заводѣ двухъ рабочихъ разсчитали, такъ ни за что, ни про что. Товарищи вступились за нихъ, къ хозяину пошли обратнаго пріема требовать, — тотъ отказалъ. Тогда весь заводъ стачку объявилъ. До тѣхъ поръ, говорятъ, на работу не станемъ, пока товарищей нашихъ обратно не примутъ. А хозяинъ объявленіе вывѣсилъ: „кто на работу къ такому-то сро-

ку не встанетъ, тѣхъ тоже разсчитаю". Рабочіе не сдаются. Это что-же, говорятъ, мы сегодня позволимъ товарищей исключить, завтра насъ самихъ безъ церемоніи за ворота выбросятъ. Нужно бороться. Стоятъ, не сдаются... Дальше — больше, стачка ужъ на другіе заводы перекинулась, стали къ первому другіе примыкать; все шире и шире пожаръ разгорается... На каждомъ заводѣ рабочіе свои требованія выставили и исключенныхъ товарищей принять требуютъ. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ. Сдѣлалась, наконецъ, стачка всеобщей. Кто самъ не хотѣлъ бастовать, тѣхъ заставляли. Всякое производство остановилось. Фабрики не работаютъ, магазины закрыты, въ булочныхъ хлѣба нѣтъ, газъ и электричество погасло... Конки не ходятъ. Однимъ словомъ, вся жизнь остановилась. Вѣдь безъ рабочаго человѣка ни одного часа прожить невозможно. Собранія стали рабочіе устраивать, сходились съ разныхъ заводовъ потолковать о своихъ дѣлахъ. Тутъ ужъ начались разговоры о томъ, что не въ томъ бѣда, что тотъ или иной хозяинъ негодяй, тому или иному рабочему плохо пришлось. Договорились до того, что всему народу русскому плохо живется, такъ плохо, что хуже и нельзя. А происходитъ это отъ того, что всѣ преимущества, всѣ законы въ Россіи на сторонѣ хозяевъ; рабочихъ объ ихъ нуждахъ и желаніяхъ никто не спрашиваетъ, ихъ обязанность только повиноваться. Значитъ, чтобы судьбу свою улучшить, рабочіе должны законы въ свою пользу измѣнить. Но какъ же ихъ измѣнить? Вѣдь во главѣ всего государства царь стоитъ, онъ всѣми дѣлами управляетъ. Нужно, значитъ, у царя просить, чтобы онъ выслушалъ желанія народа, узналъ бы, какъ онъ страдаетъ, и измѣнилъ бы законы въ пользу простого народа. Царь добрый, только министры отъ него всю правду скрываютъ, говорятъ, что все въ его государствѣ обстоитъ благополучно и народъ благоденствуетъ. Надо до самаго царя дойти. Были на этихъ собраніяхъ такіе люди, соціальдемократы, которые объясняли рабочимъ, что все въ государствѣ съ вѣдома царя происходитъ, что не

захочетъ онъ и слушать просьбъ отъ рабочихъ, скажетъ: „такова моя воля царская, а вы, мои подданные,—повинуйтесь!“. Говорили соціальдемократы, что не *просить* у царя надо новыхъ законовъ, а *требовать силой*. Однако большинство все-таки рѣшило испытать. Написали просьбу, петиціей она называется, и просили въ ней, чтобы царь созвалъ на совѣтъ выборныхъ отъ всего народа русскаго, отъ рабочихъ, крестьянъ, купцовъ и дворянъ, и чтобы выборные эти рѣшили, какъ дѣла въ государствѣ устроить, чтобы не бѣдствовалъ народъ. А отъ себя рабочіе вотъ чего просили:

чтобы прежде всего прекращена была война съ Японіей, которую чиновники для своей выгоды затѣяли и которая народу одинъ вредъ приноситъ;

чтобы установить въ Россіи такіе порядки, при которыхъ каждый человѣкъ свободнымъ себя чувствовалъ, не могъ бы надъ нимъ всякій свою власть показывать, врываться въ квартиру и безъ вины арестовывать;

чтобы могъ каждый свободно все, что онъ думаетъ, писать въ книгахъ и газетахъ, говорить на собраніяхъ, не боясь, что его въ тюрьму или въ Сибирь упекутъ;

чтобы позволено было всѣмъ вѣрить и молиться, какъ кто находитъ лучше, а не какъ начальство приказываетъ;

чтобы устроить для народа безплатныя разныя школы;

чтобы судили всѣхъ по одинаковымъ законамъ, всѣхъ наравнѣ, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ;

чтобы не накладывали на товары налоги, а брали бы съ каждаго жителя въ пользу государства, сообразно съ его имуществомъ, прямой налогъ.

чтобы запретили хозяевамъ заставлять рабочихъ своихъ дольше восьми часовъ работать, чтобы всегда рабочій могъ отъ прижимки хозяина защиту у суда найти и, чтобы могли рабочіе безнаказанно собранія и сходки устраивать, когда имъ о своихъ дѣлахъ поговорить нужно, или стачку противъ хозяина затѣвать, когда онъ честью на ихъ требованія не соглашается.

Какъ видишь, всю свою жизнь рабочіе на собраніяхъ разобрали, вспомнили все, чего не достаетъ русскому народу; еще я тебѣ не все перечислилъ. И все это написали въ своей петиціи, чтобы царю передать. „Скажемъ ему, говорили рабочіе, что такъ по прежнему жить мы не можемъ, въ его рукахъ наша жизнь и смерть, и лучше на площади передъ дворцомъ его тутъ же умереть, чѣмъ тянуть безконечную лямку, какъ каторжнымъ".

Нашелся тамъ одинъ священникъ, который взялся написать эту просьбу и самъ рѣшилъ понести ее царю. „Я, говоритъ, въ руки крестъ возьму, пусть царь знаетъ, что мы, весь его православный народъ, къ нему какъ къ отцу родному обращаемся". И вотъ въ воскресенье, 9-го января, собралась толпа видимо невидимо. Со всѣхъ концовъ Петербурга шли рабочіе къ царскому дворцу говорить съ царемъ, а впереди всѣхъ отецъ Георгій Гапонъ, священникъ этотъ, и крестъ въ рукѣ держитъ: по бокамъ его иконы и хоругви несутъ и портретъ царскій тутъ же. И не только сами рабочіе пошли, а и дѣтей, женъ съ собою взяли, чтобы и они на царя-батюшку посмотрѣли... Ну и что же ты думаешь, какъ ихъ царь встрѣтилъ? Вышелъ къ нимъ, говорилъ, просьбу ихъ выслушалъ? Какъ же! Царь приказалъ войскамъ въ народъ стрѣлять... Еще наканунѣ по всѣмъ концамъ города были полки разставлены, какъ на непріятеля, самъ дядя царскій всѣмъ командовалъ. Случилось тутъ страшное дѣло! Вмѣсто ласковаго царскаго слова, безоружный народъ, по приказанію самаго царя, солдатскія пули встрѣтили! Безъ разбора стрѣляли... Ребятишекъ сколько перебито, женщинъ — и не пересчитаешь. Рабочимъ даже и защищаться нечѣмъ, вѣдь они не воевать пришли, а къ отцу своему, разговаривать. Что тутъ было, трудно описать! Волосы дыбомъ становятся, когда вспоминаешь обо всемъ... Тутъ мать съ ребенкомъ маленькимъ упала, кровью обливаясь. Тамъ старуха сѣдая руками всплеснула и грохнулась. Ребятки въ одномъ саду неподалеку играли, всѣхъ ихъ перестрѣляли, какъ воро-

бушекъ. Словно звѣри солдаты сдѣлались, а офицеры и того хуже. Подбирать раненыхъ не давали. Мать надъ ребенкомъ мертвымъ убивается — и ее стрѣляютъ, туда и дорога. Мальчишечка любопытный впередъ выскочилъ—и его туда же. Ужасъ что творилось! Кругомъ дворца лужи крови образовались, снѣгъ кругомъ красный сталъ. Даже иконъ церковныхъ не пощадили, разнесли въ щепки... Во многихъ мѣстахъ бойня происходила, а всего больше у дворца царя-батюшки. Самъ онъ съ семьей въ Царское Село убѣжалъ и всю свою власть на это время дядѣ Владимиру, извѣстному живодеру, передалъ.

Тутъ ужъ открылись глаза у рабочихъ. Поняли они, что правду соц.-дем. говорили, — не съ просьбой надо было идти, не съ пустыми руками, а вооружиться кто чѣмъ могъ, — свое войско противъ солдатъ царскихъ выставить, силой вырвать свободу у царя. Тогда ужъ только, какъ разстрѣлъ начался, рабочіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ защиту себѣ устроили, баррикадой называется, загородили улицы чѣмъ попало, камнями, бревнами, досками, чтобы войску помѣшать, начали кое какъ вооружаться, въ одномъ мѣстѣ оружейный складъ разобрали. Цѣлыхъ два дня бойня продолжалась; народу перебито видимо-невидимо. Убитыхъ цѣлыми возами свозили потомъ съ улицъ, какъ мусоръ негодный, и сваливали въ сараяхъ, чтобы только съ глазъ долой поскорѣй. Черезъ два дня утихать начало все. Будетъ, сказалъ царь, достаточно мы на первый разъ народъ свой проучили, впередъ не будетъ надоѣдать просьбами своими да разговорами. И вѣрно, — урокъ хорошій далъ царь своему народу, вѣкъ его не забыть! Теперь ужъ ни одного человѣка въ Петербургѣ не найдется, который повѣрилъ бы сказкамъ, что царь отецъ народный, что онъ народу своему добра желаетъ. Нѣтъ, у каждаго теперь кровавый урокъ передъ глазами.... Еще кровь невинно убитыхъ не высохла на мостовыхъ Петербурга. Сколько семей отцовъ, матерей лишилось, сколько родителей дѣтей своихъ оплаки-

ваютъ! Не забудется этотъ кровавый урокъ во вѣки! Всякій понялъ, что съ царемъ, какъ съ самымъ лютымъ врагомъ, воевать надо, — на просьбы и мольбы онъ пулями отвѣчаетъ.

Утихло сейчасъ въ Петербургѣ. Убитыхъ тайкомъ ночью похоронили, такъ что родные-не знаютъ, гдѣ и могилку разыскать. Кровавый снѣгъ кое какъ соскребли. Все какъ будто по старому, опять миръ и тишина; опять министры могутъ сказать, что все благополучно. Но такъ только сверху кажется. Затаили на время люди свою ненависть, выжидаютъ только удобной минуты. Нужно оружіе запасти, нужно по всей Россіи кличъ кликнуть: нѣтъ у тебя, русскій народъ, царя! Тотъ человѣкъ, что въ зимнемъ дворцѣ сидитъ и отъ страха дрожитъ, — убійца и преступникъ! Нужно встать всей Россіи, пойти войной противъ царя — убійцы, отомстить ему за смерть братьевъ невинныхъ, уничтожить его власть, а вмѣсто нея учредить правленіе изъ выборныхъ отъ всего народа, чтобы самъ народъ судьбу свою вѣдалъ, а не палачъ — кровопійца.

Въ Питерѣ утихло на время, за то въ другихъ мѣстахъ пожаръ разгорается. Въ Варшавѣ, Лодзи, Митавѣ, Москвѣ, Саратовѣ—по всѣмъ большимъ и малымъ городамъ рабочіе всеобщую стачку объявили, требуютъ того же, что и питерскіе рабочіе. Во многихъ городахъ такъ же войска стрѣляли, убитыхъ и раненыхъ множество.

Можетъ быть, удастся царю со своими чиновниками на время заглушить движеніе, выставить войско, разстрѣлять многихъ. Да не удастся имъ въ корнѣ революцію уничтожить! Проснулся народъ. Рабочіе станутъ теперь бороться противъ всероссійскаго хозяина — царя-убійцы и его министровъ. Вся Россія матушка скоро поднимется, не помогутъ тогда царю и солдаты его. Да что солдаты! Развѣ они не люди тоже, развѣ и имъ неволя не надоѣла? Скоро и они на сторону революціи станутъ, будутъ также за свободу бороться. Вѣдь свобода русская, воля народная ближе имъ, чѣмъ Манджурія какая то неизвѣстная, гдѣ все равно

умереть придется, если царь на своемъ мѣстѣ останется.

Началась, Митревна, голубушка, революція русская, когда ей конецъ придетъ — неизвѣстно. Знаю только, что до тѣхъ поръ не кончится, пока свободу русскій народъ не завоюетъ, пока есть хоть капля крови въ жилахъ. Или свободы добьемся, или умремъ въ борьбѣ за нее. Довольно терпѣть! Проснулся русскій народъ, и нельзя его весь солдатскими пулями перестрѣлять — пуль не хватитъ."

— Такъ какъ же, Николаичъ, въ нашемъ городѣ тоже самое, что въ Питерѣ начнется, тоже солдаты стрѣлять будутъ? — Не знаю, тамъ видно будетъ; а пока объявляемъ стачку всеобщую, по всѣмъ заводамъ и фабрикамъ; не станемъ на работу, пока требованія петербургскихъ рабочихъ не удовлетворятся. — Ну хорошо, Николаичъ, вы, рабочіе, стачку устроили, а намъ-бабамъ что дѣлать, наша бабья доля во всемъ этомъ какая?

— А ваша женская доля огромная. Вѣдь, если ужъ ты меня или другая какая женщина мужа своего тянуть за рукавъ не будетъ—дескать, брось всю эту канитель, иди на работу, пожалѣй малыхъ дѣтей, а то скоро ѣсть нечего будетъ; если жена хоть хныкать не будетъ, да жаловаться, — и то какое мужу облегченіе! Знаетъ онъ, что дома понимаютъ, по какой причинѣ онъ на работу не идетъ, не изъ за прихоти какой, а за кровное всенародное дѣло стоитъ, за свободу всероссійскую! Вѣдь вотъ, если ты поняла меня сейчасъ, да то же самое сосѣдкѣ своей разскажешь и растолкуешь, такъ и это уже дѣло большое. Вы, женщины, другъ друга лучше понимаете. А тѣ, что на фабрикахъ работаютъ, тѣ къ стачкѣ всѣ примкнуть должны. Вотъ Анна Гавриловна, какъ узнала все, услышала, что въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ дѣлается, такъ и разгорѣлась вся. „Нужно, говоритъ, и намъ стачку объявить непремѣнно, вѣдь и мы, женщины, свободы хотимъ!" Вотъ кабы побольше такихъ было, куда какъ легче дѣло вести. Да и въ этомъ развѣ только ваша женская доля! Всеобщая стачка

только начало. Тамъ придется и съ солдатами встрѣтиться, по настоящему воевать. Оружіемъ запасемся, — теперь ужъ никто съ пустыми руками въ борьбу не пойдетъ. Придется и баррикады строить, защиту себѣ обезпечивать. Въ этой работѣ женщина, какъ и мужчина, участвовать можетъ, камни да доски таскать. На Обуховскомъ заводѣ въ Петербургѣ четыре года тому назадъ, когда солдаты на рабочихъ тоже шли и стрѣляли въ нихъ, — женщины нѣкоторыя наравнѣ съ мужчинами сражались и помогали имъ всѣми силами; камни въ платьяхъ носили, чтобы мужчины отстрѣливаться могли. И опять таки не все это. Ну вотъ, представь себѣ, началась въ нашемъ городѣ битва. Рабочіе баррикады устроили, вооружились, кто чѣмъ могъ, — а на нихъ солдаты надвигаются. У тѣхъ, конечно, вся сила въ рукахъ: и ружье у каждаго, и выправка, и снаровка; въ иномъ мѣстѣ имъ ничего не стоитъ всю баррикаду по кусочкамъ разнести и рабочихъ перестрѣлять... Вотъ, тутъ то вы и можете намъ большую услугу оказать. Намъ не столько важно сраженіе съ солдатами устраивать, убивать ихъ, сколько на свою сторону перетягивать. Насъ, мужчинъ, они слушать не станутъ; не даромъ же имъ въ казармахъ твердятъ, что бунтовщики мы, враги царя. Выйдешь къ нимъ говорить, а они и слова вымолвить не дадутъ, скомандуетъ офицеръ: „пли!“ — и готово. Ну а вотъ, если бы нашлась такая женщина, вышла бы передъ полкомъ, да и сказала бы имъ: „что вы, братцы, дѣлаете! Противъ братьевъ своихъ кровныхъ идете. Развѣ самимъ вамъ не нужна свобода? Откажитесь защищать неправое дѣло, переходите на нашу сторону, будемъ вмѣстѣ за свободу сражаться. А если не хотите съ нами идти, такъ и противъ насъ не выступайте, офицеры ваши на братоубійство васъ привели. Бросьте, ружья, откажитесь въ убійствѣ братьевъ участвовать!“ Примѣрно такими словами могла бы какая нибудь изъ васъ солдатъ уговаривать. Выслушаютъ солдаты женщину, и многіе призадумаются. У каждаго изъ нихъ дома мать, жена или сестра

осталась, вспомнятся онѣ ему тутъ... шевельнет
солдатское сердце, вѣдь не звѣри же въ самом
дѣлѣ, и не пойдетъ иной на битву, рука не по
нимется кровныхъ своихъ разстрѣливать. Такъ
въ Петербургѣ, разсказываютъ, было. Офице
звѣри „пли“ командуютъ, въ толпу стрѣлять
лятъ, а пули поверхъ головъ пролетаютъ, —
хотятъ многіе солдаты въ безоружный народъ
литься.“

„Такъ вотъ какая, Митревна, ваша женская до
въ будущей революціи,“ — сказалъ мнѣ Нико
ичъ.—Подумай надъ этимъ хорошенько. Нуж
только на время свою шкуру забыть, объ общем
великомъ, всероссійскомъ дѣлѣ подумать, тогда
смѣлость найдется.“

Думаю теперь я надъ этимъ, сестры мои до
гія, русскія женщины, и вижу, что правы тѣ,
съ правительствомъ борьбу не на животъ, а
смерть началъ. Дальше такъ жить невозмож
Довольно мы терпѣли. Надо бороться! Можетъ,
гибнуть придется въ этой борьбѣ, такъ раз
теперь намъ лучше живется? Лучше умер
теперь, но знать, что дѣтямъ нашимъ послѣ на
легче жить будемъ на бѣломъ свѣтѣ. Будутъ дѣ
вспоминать насъ съ благодарностью; скажутъ ко
нибудь: „отцы наши и матери смѣлые завоева
намъ свободу. Вѣчная имъ память, слава смѣ
сти ихъ и отвагѣ!“

Будемъ же добывать свободу. Не даютъ
честью, — завоюемъ силой. Долой царя-палача
министровъ-убійцъ!

Не испугаютъ насъ солдатскіе штыки и пу
Станемъ мы, русскія женщины, бороться, наря
съ мужьями и братьями нашими! Положимъ в
свои силы за великое общее дѣло!

За Всенародное Учредительное Собраніе!

За народную свободу!

Изданіе „Искры“. — Цѣна 15 сант.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.